

Боги и Титаны в Теогонии Гесиода

Михаил Евзлин

Analysed is the exclusively masculine origin of Titans in Hesiod's "Theogony". The author demonstrates that Titans were generated by Heaven himself without the participation of the Earth, as described by Apollodorus. This masculine, and also impersonal Titans' quality permits to consider them as a special class of primordial beings.

Отождествление первых двенадцати совместных порождений Геи и Урана с Титанами сделалось своего рода догмой, повторяемой во всех старых и новых словарях по мифологии (Lavedan 1931, 952; Лосев 1988, 514). Но если обратиться непосредственно к греческому тексту, то теряется всякая уверенность, что Титаны – это совместные дети Геи и Урана. Вызывает также сомнение разделение на старых и молодых богов как двух противоборствующих групп. В качестве второго поколения (внуков Геи и Урана) олимпийские боги, разумеется, есть *младшие*, что, однако, не является достаточным основанием для интерпретации титаномахии как борьбы старых и молодых богов. Первое и второе поколения богов представляются как единая группа:

Αἱ δ' ἄμβροτον ὄσσαν ἰεῖσαι
θεῶν γένος αἰδοῖον πρῶτον κλείουσιν ἀοιδῆ
ἐξ ἀρχῆς, οὓς Γαῖα καὶ Οὐρανὸς εὐρὺς ἔτικτεν,
οἳ τ' ἐκ τῶν ἐγένοντο θεοί, δωτῆρες ἑάων.

*Богини же гласом бессмертным
Прежде всего воспевают достойное почестей племя
Тех из богов, что Землей рождены от широкого Неба,
И благодавцев-богов, что от этих богов народились.*

(43–46)¹

В контексте воспевания Музами Зевса было бы по меньшей мере странно, если бы они воспевали также противников Верховного Бога, т. е. Титанов. Правда, они славят также *Иапета и хитроумного Крона* (18), но участие этих двух старших богов в титаномахии вовсе не является само собой разумеющимся, как это представляется Весту². Кроме того, свою долю в хвалах Крон заслуживает с

¹ Здесь и далее курсивом дается перевод В.В. Вересаева, прямым шрифтом – дословный перевод.

² West 1966, 200. Иапет упоминается как супруг океаниды Климены и отец Атланта, Прометея, Менетия и Эпиметя. С ним не связывается никакого мифа, о его участии в титаномахии на той или другой

полным правом: ведь это он отделил Небо от Земли, т. е. совершил основной демиургический акт.

Вот как излагает Вест в *Prolegomena* к своему комментарию греческого текста *Теогонии* Гесиода миф о борьбе Титанов против олимпийских богов: “Kronos now rallies the other Titans to war against the new gods” (West 1966, 19). Это справедливо для Аполлодора (Bibl. I, ii, 1), но находится в полном противоречии с текстом Гесиода, у которого собирает на битву богов, *старых и молодых*, не Уран, а Зевс:

*В тот день, когда на великий Олимп небожителей вечных
Созвал к себе молневержец Кронид, олимпийский владыка.*

(390–391)

После этого изложения становится совершенно непонятным, кого комментирует Вест, Гесиода или Аполлодора. Отношение автора *Библиотеки* к мифам чисто школьное и собирательское. Космогоническое содержание, которое в *Теогонии* Гесиода стоит на первом плане, в *Библиотеке* начисто отсутствует. Кроме того, ее составитель делает ошибку в том, что касается *системы оппозиций*, обязательной для любой мифологии³. У Гесиода в полном соответствии с архетипической схемой перечисляются шесть мужских божеств и шесть женских (136–138). К этим шести женским божествам Аполлодор добавляет седьмую – Диону (Bibl. I, i, 1), которая у Гесиода является одной из дочерей Океана и Тефии (353). Это добавление становится вполне понятным, если вспомнить, что в *Илиаде* Диона выступает в качестве матери Афродиты (V, 370–371), а посему она включается в число древнейших божеств, детей Геи и Урана, которые стали рассматриваться поздними собирателями мифов как Титаны⁴.

У Аполлодора также впервые (в известных источниках) появляется слово ж. р. мн. ч. Τίτανίδας (Титаниды). У Гесиода слово τίτην никогда не стоит в ж. р., что указывает на Титанов как исключительно мужских божеств, в то время как слово θεά (богиня) встречается постоянно как в ед., так и во мн. числе⁵. С Титанами Крон

стороне нет даже намека.

³ В качестве образцовой схемы мифологических оппозиций можно привести гелиопольскую *эннеаду* (Рубинштейн 1987, 422–423). Бог Атум, появляется из хаоса-Нуна, сам себя оплодотворяет, проглотив собственное семя, и рождает, выплюнув семя, Шу и Тефнут (мужское божество и женское), которые рождают Геба и Нут (мужское божество и женское). Эти последние рожают Исиду и Нефтиду, Осириса и Сета (два мужских божества и два женских).

⁴ Показательно отсутствие мифа о Титанах в *Илиаде*. Они упоминаются только один раз в контексте клятвы Геры: θεοὺς δ' ὀνόμηνεν ἅπαντας / τοὺς ὑποταρταρίους οἱ Τίτηνες καλέονται (*призывала / Всех богов преисподних, Титанами в мире зовомых*. XIV, 278–279; перевод Н. И. Гнедича). В качестве намека на Титанов можно интерпретировать эти слова Зевса: μάλα γάρ κε μάχης ἐπίθοντο καὶ ἄλλοι, / οἱ περ ἐνέρτεροι εἰς θεοὶ Κρόνον ἀμφὶς ἔδοντες (*услышали б грозную брань и другие, / Самые боги подземные, сущие около Крона!* XV, 224–225). Эти два упоминания можно интерпретировать, как указание на Титанов как подземных богов. Если верно, что существовал в Тарсе культ Титанов (Lavedan 1931, 953), то почти с уверенностью можно сказать, что они были подземными божествами, и только в гесиодовские времена стали небесными богами, сохранив при этом свою первоначальную хтоническую природу.

⁵ Прометей называет свою мать Фемиду Τίτανις (Pг. 874), т. е. Титанидой, но во всех других случаях (207, 427), слов τίτην стоит всегда в мужском роде как во мн., так и в ед. У Гесиода Фемиды – дочь Геи и Урана (135). Но если послушать Прометея, то Фемиды оказывается Геей-Землей (Pг. 211–212). С другой стороны эта Гейя-Фемиды явно отличается от Ἥθωνος, матери Титанов (Pг. 207). Настоящей и единс-

встречается только один раз – в Тартаре: *Титаны под Тартаром около Крона* (851: Τίτῆνές θ' ὑποταρτάρου, Κρόνον ἀμφὶς ἐόντες), из чего вовсе не следует, что Крон воевал вместе с Титанами против Зевса⁶. О его непосредственном участии в титаномахии у Гесиода нигде не говорится. Он упоминается исключительно как отец олимпийских богов:

*Ибо уж долгое время сражались друг против друга
В ярых, могучих боях, с напряжением, ранящим душу,
Боги-Титаны и боги, рожденные на свет от Крона.*

(629–631)

Имя Крона является своего рода знаком, который отличает олимпийских богов, противопоставляя их Титанам. Разумеется, Зевс борется также и прежде всего со своим отцом Кроном, но это совершенно отдельная борьба: она предшествует борьбе с Титанами, также как эта последняя идет перед борьбой с Тифоном. Все эти битвы Верховного Бога имеют исключительно космогоническое значение, отмечая собой движение от хаоса к космическому порядку, устанавливаемому олимпийскими богами. *Succession Myth* имеет смысл только в том космогоническом контексте и становится совершенной бессмыслицей, если интерпретировать его «политически», т. е. как смену небесных правителей по образцу земных. Вест интерпретирует *Теогонию* по Аполлодору, согласно которому «Уран первый стал править всем миром» (Bibl. I, i, 1: перевод В. Г. Боруховича), вспоминая также хитроумного Прометея (Рг. 204–206) и совсем забывая прямодушного Гесиода. У Аполлодора мы, действительно, имеем *Succession Myth* и ничего больше. Гесиод же рассказывает не о том, кто был первым, вторым или третьим правителем на земле и небе, а

*как боги, как наша земля зародилась,
Как беспредельное море явилось шумное, реки,
Звезды, несущие свет, и широкое небо над нами.*

(108–110)

Сторону Зевса в борьбе против Титанов принимают боги, но какие боги? Этот вопрос совсем не праздный, если принять во внимание, что в *Теогонии* словом θεός (θεοί) определяются различные классы сверхъестественных существ: дети Геи и Урана (45), Афродита (196), Еврибия (376), Кой и Феба (405), Геката (426), Зевс

твенной Титанидой, таким образом, оказывается Гея-Земля, а Титаны в своей совокупности являются исключительно мужскими божествами, что подчеркивается грубой силой, которая их отличает (Рг. 206–210).

⁶ Зевс заставляет Крона извергнуть проглоченных детей (495), но что происходит с самим Кроном не сообщается. И только из описания поединка Зевса с Тифоном мы узнаем, что Крон вместе с Титанами пребывает *под Тартаром* (851). В *Илиаде* говорится о низвержении Зевсом Крона под землю (XIV, 198–199), а также о пребывании Крона вместе с Иапетом (а не Титанами) в Тартаре (VIII, 479–481). Вместе с Кроном пребывают также ἐνέρτεροί θεοί (XV, 225: нижние боги), которые вполне могут быть Титанами, если этих последних рассматривать как подземных богов. Упоминание Крона и Иапета в гневной речи Зевса, обращенной к Гере, позволяет предположить, что существовал отдельный миф об индивидуальном противоборстве Иапета с Зевсом, за что он был сброшен в Тартар, но без всякого отношения к Титанам, о борьбе с которыми у Гомера ничего не говорится.

(387), титаны-боги (630, 648, 668: Τῆτῆνες τε θεοί)⁷, Гипнос и Танатос (759), Аид (767), Стикс (776), сын nereиды Амфитриты и Посейдона (933: δεινὸς θεός), Семела и ее сын Дионис (942).

Эти примеры иллюстрируют крайнюю неопределенность понятия θεός. Оно относится как к небесным божествам, так и хтоническим, а также сыновьям Зевса от смертных женщин. С достаточным основанием можно относить к θεοί также чудовищного Тифона. О нем говорится, что он имел «неустанные ноги сильного бога» (824: πόδες ἀκάματοι κρατερῆ θεοῦ), что можно интерпретировать как указание на его божественное качество. Созывая богов (391), Зевс обращается к богам принадлежащим к различным поколениям и классам – к хтоническим и небесным, молодым и старым. Поддержка, оказанная Зевсу со стороны страшной Стикс (397), дочери древнейшего бога Океана и Тефии (361), Киклопов (139–141) и Сторуких (654) свидетельствует о крайней разнородности олимпийского воинства, что, между прочим, не раз отмечалось, но без всяких последствий для устоявшихся представлений о титаномахии как борьбе старых и новых богов.

Вест отделяет Киклопов и Сторуких от их родных братьев-богов, перечисляемых в списке первых двенадцати совместных порождений Геи и Урана: “The list of children that follows as far as 138, six male and six female, forms the group to which Uranos gives the name of Titans in 207; the Cyclopes and Hundred-Handers (139–53) cannot be included, since they help Zeus against the Titans in the Titanomachy” (West 1966, 200). Вест также отмечает гетерогенность группы богов, которых, следуя традиции, он отождествляет с Титанами: “The heterogeneity of the list is striking. Beside the dangerous ogres Kronos and Iapetos, we find the relatively colourless figures Koios, Kreios, Hyperion, Theia; the gentle Oceanus, who encourages his daughter Styx to help Zeus against the Titans” (West 1966, 200). Таким образом, из всех этих двенадцати ‘титанов’ в лучшем случае только двое, Крон и Иапет, могли участвовать в титаномахии на стороне противников Зевса. С другой стороны, Киклопы и сторукие – родные братья первых двенадцати богов, а посему нет решительно никаких причин не включать их в число Титанов. Если к Титанам относить только тех богов, которые воевали против Зевса, нельзя называть титаном даже Океана, старшего сына Геи и Урана, а также причислять к Титанидам Рею, мать Зевса, Фемиду, вторую жену Зевса, Тефию, супругу Океана, Фебу, мать Лето, родившей от Зевса Аполлона и Артемиду, Мнемосину, мать Муз, т. е. божеств, хотя и ‘старых’, но принадлежащих к новой олимпийской системе мира.

Более того, само по себе отождествление Титанов с той или иной конкретной группой богов является в высшей степени проблематичным. Вест продолжает: “This, with the fact that lists given by other sources ... vary in number and composition, indicates that the identification of the Titans with this particular group of gods is secondary: originally they must have been a collective body (like the Muses, Nereids, etc: p. 32) without individual names and of indefinite number. It is collective body that we are to

⁷ Здесь возникает вопрос о значении частицы τε, которая, хотя и слабее союза καί, соединяет два слова, а посему Τῆτῆνες τε θεοί могут интерпретироваться как *Титаны и боги*. Во фразе Τῆτῆνες τε θεοί καί ὄσοι Κρόνου ἐξευγένοντο (Титаны-боги и те, которые рождены от Крона) καί отделяет и противопоставляет одну группу (Τῆτῆνες τε θεοί) другой (ὄσοι Κρόνου ἐξευγένοντο), а посему θεοί, присоединяемое частицей τε к Τῆτῆνες следует рассматривать как определение Титанов как богов, но богов резко отличных от тех, которые были рождены от Крона и которые им противостоят.

think of in connexion with the Titanomachy” (West 1966, 200). Следовало бы уточнить, что имеется в виду под понятием *collective body*? Все олимпийские боги представляются собой единое коллективное тело, но все они *поименованы* и точно определены в числе, в том числе Музы (75-79), Нереиды (242–262) и Хариты (907–909)⁸. Единственная группа богов, которая остается у Гесиода безыменной и неопределенной в числе, – это Титаны. Они впервые упоминаются в этом отрывке (Th. 207–210):

Τοὺς δὲ πατὴρ Τιτῆνας ἐλίκλησιν καλέεσκε
παῖδας νεκείων μέγας Οὐρανός, οὓς τέκεν αὐτός·
φάσκε δὲ τιταίνοντας ἀτασθαλίῃ μέγα ῥέξαι
ἔργον, τοῖο δ' ἔπειτα τίσιν μετόπισθεν ἔσεσθαι

Дословный перевод:

*Отец именем Титанов назвал
сыновей, упрекая, великий Уран, которых сам породил,
говорил, потянувшиеся неразумно великое исполнить
дело, за которое впоследствии наказание будет.*

Перевод В. В. Вересаева:

*Детям, на свет порожденным Землею, названье Титанов
Дал в поношенье отец их, великий Уран-повелитель.
Руку, сказал он, простерли они к нечестивому делу
И совершили злодейство, и будет им кара за это.⁹*

Вересаев сгущает краски, искажая при этом греческий текст: μέγα, которое он переводит как *нечестивое*, означает «большое», «великое». Само по себе μέγα совершенно нейтрально и не имеет никаких отрицательных окрасок¹⁰. Слово *злодейство* вообще отсутствует. Причастие νεκείων (от νεκείω, упрекать, осуждать, поносить, оскорблять), хотя имеет отрицательное значение, но все же стоит ближе, если исходить из весьма спокойного тона греческого текста, к *осуждению*, чем к поношению. Уран осуждает своих детей, как можно предположить за то, что они потянулись к делу, которое им *не под силу*, а не поэтому, что оно – ‘нечестивое’. Грамматическая структура фразы (τιταίνοντας ... μέγα ῥέξαι ἔργον, «потянувшиеся ... великое исполнить дело») также указывает, что речь идет о деле, к которому Титаны только потянулись, т. е. намеревались исполнить его, но еще не исполнили, а почему оно есть дело будущего, а не прошлого и даже не настоящего.

⁸ Перечисляются даже имена сыновей и дочерей Океана и Тефии (337–368), хотя и не все, но все они имеют имя: *Знает название потока лишь тот, кто вблизи обитает* (371).

⁹ Ср. английский перевод: ‘But these sons whom he begot himself great Heaven used to call Titans (Strainers) in reproach, for he said that they strained and did presumptuously a fearful deed, and that vengeance for it would come afterwards’ (Hesiod 1982).

¹⁰ Также и в английской версии μέγα переводится совершенно уводящим от истинного значения словом *fearful* (ужасный, страшный), т. е. и здесь перевод приспособляется под ‘теорию’.

В отличие от дела Титанов, которое должно только совершиться *в будущем*, о настоящих делах Урана и Геи говорится с отрицательными эпитетами. Гея замышляет $\delta\omicron\lambda\lambda\eta\nu\ \delta\grave{\epsilon}\ \kappa\alpha\kappa\eta\nu\ \dots\ \tau\acute{\epsilon}\chi\eta\nu\eta$ (140: коварная злая хитрость). О действиях Урана, который не позволяет выйти детям Земли *на свет* ($\epsilon\grave{\varsigma}\ \phi\acute{\alpha}\omicron\varsigma$) говорится как о *злом деле* (158: $\kappa\alpha\kappa\bar{\omega}\ \xi\rho\upsilon\varphi$). Гея обвиняет Урана в том, что он явился зачинателем *злых дел* (166: $\acute{\alpha}\kappa\epsilon\acute{\alpha}\ \xi\rho\upsilon\alpha$). 'Дело' Крона только завершает злые дела Урана и коварные умыслы Геи. Разумеется, отсечение детородного члена Урана – *большое дело* ($\mu\epsilon\grave{\iota}\upsilon\alpha\ \xi\rho\upsilon\omicron\nu$), поскольку имеет своим следствием отделение земли от неба и создание большого мирового пространства. С этой космогонической стороны можно думать, что дело, которое совершил Крон, есть *то самое*, к которому потянулись Титаны. Однако для этой интерпретации, кроме грамматических соображений, имеется другое препятствие: это дело одного только Крона, а все другие дети Геи и Урана участия в нем не принимали:

*Дети мои и отца нечестивого! Если хотите
Быть мне послушными, сможем отцу мы воздать за злодейство
Вашему: ибо он первый ужасные вещи замыслил.
Так говорила. Но, страхом объятые, дети молчали.
И ни один не ответил.*

(164–168).

В таком случае, почему Уран обращается ко всем детям, обещая всем наказание? Можно, конечно говорить о коллективной ответственности всех детей, которые не помешали своему брату совершить злое дело. Отрывок о происхождении имени Титанов (207–210) является единственным, на основании которого делается утверждение, что Титаны – дети Урана. В этом нет никакого сомнения: греческий текст здесь однозначен, но вовсе не дает уверенности, что Титаны есть также дети Геи-Земли¹¹. В *Теогонии*, когда кто-то к кому-то обращается, всегда указывается личное имя или оно подразумевается, а посему его легко установить. Гея обращается к своим детям (164: Παῖδες ἔμοι). Все они незадолго до того были поименованы, даже Киклопы и Сторукие. Остается только безымянным неопределенное множество детей, которых Уран не выпускает *на свет* (158: $\epsilon\grave{\varsigma}\ \phi\acute{\alpha}\omicron\varsigma$), что вполне естественно: не выходя на свет, т. е. не рождаясь, они не получают никакой формы, даже чудовищной, и поэтому не имеют имени.

С точки зрения формальной отрывок о Титанах представляется вставкой, имеющей своей целью объяснить происхождение Титанов, с которыми борются олимпийские боги. И в самом деле, после отсечения Кроном детородного члена Бога Неба следует рассказ о рождении Эриний, Гигантов, нимф Мелий и Афродиты, который прерывается отрывком со словами Урана, обращенными к его сыно-

¹¹ Детями Земли и Неба Титаны стали много позже – в *Прикованном Прометее* Эсхила (207: $\text{Τῖτάνας, Οὐρανῶ τῆ καὶ Χθονὸς τέκνα}$). Использование слова Χθονὸς , а не Γαῖα , как в *Теогонии* Гесиода, позволяет сделать предположение о вторичном характере Титанов по отношению к детям Геи и Урана. С другой стороны, свою мать Прометей называет Γαῖα (212), хотя добавляет, что у нее много имен. Эта добавка имеет своей целью затемнить истинное происхождение Прометей (о своем отце он не говорит, но делает таинственные намеки, из которых можно заключить, что это Зевс). Различение потомков Геи и Хтонос, как кажется, подчеркивает их принадлежность к различным видам сверхъестественных существ.

вьям, которых он называет 'титанами'. Затем рассказ возобновляется и говорится о детях Ночи, рожденных ей самой. Если предположить, что также рождение Титанов принадлежит к тому же самому ряду, и они, как и Гиганты, рождаются из крови пролившейся из отсеченного члена Урана, то этот отрывок получает полное свое значение и оправдание именно в этом месте и ни в каком другом¹². Итак, кто такие эти Титаны и как они родились?

Среди всех богов и чудовищ Титаны остаются самыми загадочными, что подчеркивается отсутствием у них личных имен, в которых были бы как-то обозначены их космические функции. О них мы знаем только то, что они есть «потянувшиеся неразумно великое исполнить дело» (τῆταινοντας ἀτασθαλίῃ μέγα ῥέξαι ἔργον), но какое это дело мы не знаем. Здесь возможны только предположения, но одно представляется несомненным: это дело есть совсем другое, чем то, которое было совершено Кроном. Отделение Неба от Земли только создает условия для *великого дела*, исполнителями которого может быть только новое поколение богов. К этому новому поколению богов принадлежат также Титаны. Но эти последние рождаются *неправильным* образом, и посему, как говорит Уран, за дело, к которому они потянулись, они должны понести наказание. В космогоническом контексте поэмы Гесиода это дело может быть только демиургической организацией мира. Объективная космогоническая логика заставляет Урана принять сторону олимпийских богов, давая предсказания вместе с Геей о судьбе, которая ожидает Крона (475–476), а также давать советы о том, как спасти новорожденного Зевса (477–478) и победить Титанов¹³. Олимпийские боги рождаются *правильно*, но только Зевс не попадает в утробу Крона, и поэтому он становится Верховным Богом. *Правильность* рождения новых богов делает их годными для *великого дела*.

Здесь следует отметить другой весьма показательный случай (сознательного или бессознательного, не суть важно) искажения переводчиком греческого текста. После того, как Крон извергает своих проглоченных детей, Зевс:

*Братьев своих и сестер Уранидов, которых безумно
Вверх в заключение отец, на свободу он вывел обратно.
Благодеянья его не забыли душой благодарной
Братья и сестры и отдали гром ему вместе с палящей
Молнией.*

(501–505)

Фраза *братьев своих и сестер Уранидов* имеет в виду братьев и сестер Зевса, но Зевс и его братья и сестры – не Ураниды, а Кронида. Следовательно, Зевс освобождает не *своих* братьев и сестер, а братьев и сестер *своего отца* Крона. Греческий текст не оставляет никаких неясностей в этом отношении: Λύσε δὲ

¹² Очевидна *ненормальность* рождения Гигантов, если сравнить его с *правильным* рождением первых двенадцати детей Геи и Урана. Строго говоря, они есть сыновья крови и земли, но не как личного начала, Геи, а безличной χθονός. Титаны, таким образом, в качестве Οὐρανοῦ τε καὶ Χθονός τέκνα (Pr. 207) совпадают по своему рождению с Гигантами, что делает вполне естественным отождествление этих двух групп.

¹³ Совет о том, чтобы вывести сторуких, дает Гея (626), но можно предположить, что делает она это не без ведома Урана, как и в случае совета, как уберечь Зевса от утробы Крона (470–479).

патροκασιγνήτους ὀλοῶν ὑπὸ δεσμῶν / Οὐρανίδα, οὓς δῆσε πατὴρ ἀεσιφροσύνησιν (501: освободил братьев отца от оков, Уранидов, которых заковал отец в безумии). Слово патροκασιγνήτος означает 'брат отца', 'дядя по отцу', т. е. Зевс освобождает не своих братьев и сестер, которых он уже освободил из утробы Крона, а братьев (ни о каких сестрах здесь даже не упоминается) отца, Киклопов, которые в благодарность дарят ему «гром и пылающую молнию» (504: βροντὴν ἠδ' αἰθαλόεντα κεραυνὸν). С самого начала говорится о Киклопах (и в этом состоит их основная космогоническая функция) как создателях и хранителях грома и молнии (139–141), а посему только они и никакие другие божества, мужские или женские, могли дать Зевсу гром и молнию.

Эти братья Крона, Киклопы, также как и Сторукие, были заключены в недрах Земли Ураном (158: πάντας ἀλοκρύπτασκε, καὶ ἐς φάος οὐκ ἀνέισε, «всех прятал и на свет не давал выйти»)¹⁴. Главной целью отделения Земли от Неба было создание космогонического пространства, в которое должны были выйти все дети Земли, сжатые в ее лоне. И если они продолжали в нем оставаться, то, как можно предположить, вовсе не по злему умыслу Крона, а только потому, что Крон не был в состоянии исполнить своей космогонической функции, и поэтому он замещается другим демиургом. Вместо полного открытия докосмогонической утробы, происходит обратное ее закрытие. *Закрытие утробы* можно представить как *сворачивание пространства*, следствием которого становится деформация космических форм. Эта деформированная форма, собственно, и есть *чудовище*. Убивая чудовище, герой *распрямляет* пространство, препятствуя обратному его сворачиванию в докосмогонической утробе.

Эта тенденция к обратному сворачиванию пространства или закрытию утробы (с мифологической точки зрения пространство есть раскрывшаяся *перво-утроба*) объясняет смену небесных 'правителей'. В действительности, речь идет не о правителях, а о демиургах, чередование которых обозначает новый, более высокий уровень космической организации, идущей от первоначального уранического хаоса к олимпийскому космосу.

В заключительной сцене титаномахии 'братьями' Титанов становятся даже Сторукие:

*В первых рядах сокрушающе-яростный бой возбудили
Котт, Бриарей и душой ненасытный в сражениях Гиес.
Триста камней из могучих их рук полетело в Титанов
Быстро один за другим, и в полете своем затенили
Яркое солнце они. И Титанов отправили братья
В недра широкодорожной земли и на них наложили
Тяжкие узы, могучеством рук победивши надменных.*

(713–719)

В греческом тексте говорится только καὶ τοὺς μὲν ὑπὸ χθονὸς εὐρυοδείης / πέψαν (717–718: и их под землю широкою / отправили), т. е. о родственных отно-

¹⁴ Здесь, впрочем, имеется неясность, рождаются ли они и только потом Уран обратно отправляет их в недра Земли или он не позволяет им выйти из ее лона с самого начала, и они остаются в нем в качестве неоформленной эмбриональной массы.

шениях между Уранидами (в данном случае Сторукими, сыновьями Геи и Урана) и Титанами нигде не говорится, за исключением, разве что, одного только случая, когда рассказывается о происхождении имени Титанов (207–208). Но здесь речь идет не о родственных отношениях, а о происхождении особого класса сверхъестественных существ, которых Уран называет Титанами. И хотя Уран выступает здесь в качестве отца Титанов, в отличие от других совместных порождений Геи и Урана эти последние никогда не называются Уранидами, что само по себе должно наводить на предположение о каком-то совершенно особом положении Титанов по отношению как к старым богам, Уранидам, так и новым, Кронидам. Между этими последними нет противоречий, как о том свидетельствует участие Киклопов и Сторуких на стороне олимпийских богов, хотя они принадлежат к до-олимпийской (уранической) системе мира и, казалось бы, должны были бы склоняться в сторону уранических богов-титанов. Но Титаны по какой-то причине противостоят всем, Уранидам и Кронидам, принуждая их к объединению. И в самом деле, Сторукие, помощь которых была решающей для исхода титаномахии, возвращаются под землю, где охраняют бронзовые врата (732–733: *θύρας χαλκείας*). Какую прибыль, в таком случае, они имели от своего участия в борьбе Титанами? Единственным логическим объяснением (с космологической точки зрения) здесь может быть следующее: в олимпийской системе они имеют какое-то место (они – *стражи дверей*), а в титанической – они не имели *никакого* места, о чем они сами говорят Зевсу, после того, как он выводит их из под земли:

*Злое проклятие разве не ты отвратил от бессмертных?
И не твоим ли советом из тьмы преисподней обратно
Возвращены мы сюда из оков беспощадных и тяжких,
Вынеси столько великих мучений, владыка, сын Крона!*
(657–660)

Отсутствие Геи в качестве родительницы Титанов и присутствие местоимения αὐτός (208: он сам) делает возможным предположение, что Титаны были порождены Ураном без участия женского начала, т. е. Земли. В этом нет ничего удивительного: неразделенность мужских и женских функций характеризует богов на начальных стадиях космогонического процесса¹⁵. Гея рождает нимф и Понта *ни к кому не всходивши на ложе* (131). Здесь можно вспомнить индийские примеры о чисто мужском или фаллическом происхождении жизни: из семени, которое Самосущий испускает в сотворенные им воды, рождается яйцо (Законы Ману I, 5–9), содержащее в себе элементы будущего мироздания. Яйцо представляет здесь *закрытое* первопространство, из которого в дальнейшем демиургическом процессе создается *открытое* космическое пространство, а из элементов собственного тела родившийся в яйце демиург Брахма сотворяет все существа (I, 16). Затем он делит свое тело на две половины, которые становятся мужчиной и женщиной, порождающих новых существ (I, 32). Замечательно в этой космогонии, что мир-яйцо (т. е. бытие в своем перво-единстве, но уже имеющее потенцию множественности)

¹⁵ Ср. египетского Атума, которые проглатывает собственное себя, оплодотворяя сам себя, и затем, выплюнув свое семя, рождает первых богов (Рубинштейн 1987, 422).

зарождается как результат *фаллического* акта, а порождение конкретных существ происходит как следствие соединения женского и мужского начал¹⁶.

Первобытные воды, которые обычно представляются в мифопоэтических космогониях (в том числе у Платона и орфиков) как существующие до всякого возникновения и являющиеся материалом для демиургической деятельности, в индийском варианте являются вторичным образованием. В начале же есть только колоссальное сосредоточение энергии, которое делает возможным появление вод: «Тогда божественный Самосуший невидимый, [но] делающий [все] это – великие элементы и прочее – видимым, проявляющий энергию, появился, рассеивая тьму» (Законы Ману I, 6: перевод С. Д. Эльмановича). Таким образом, первым космогоническим актом Самосущего становится сотворение вод (I, 8). В орфической космогонии демиург является как результат уплотнения первобытных вод, т. е. космогония представляется как спонтанный процесс, который только с появлением демиурга становится сознательным и целенаправленным (Colli 1990, 280–281). В *Законах Ману* Самосуший, сотворяя воды, строго говоря, не творит, а создает условия, которые позволяют сначала явиться яйцу, а потом – демиургу, т. е. и здесь демиург есть *следствие*, хотя для дальнейшего процесса, в котором вышедшие наружу потенции конкретизируются как объекты и существа он – *причина*. Но и в Книге Бытия нет никакого творения *ex nihilo*, а последовательная трансформация водного хаоса (*tohu va-vohu*), предполагающая некую последовательность, т. е. движение от одного к другому. Вещи не могут появиться все вместе в один и тот же момент и в готовом виде, и поэтому космогонический процесс, в согласии с архетипом, обязательным для всех мифологических космогоний, делится на шесть дней или следующих друг за другом моментов. Эти шесть дней относятся ко второй ‘сознательной’ части процесса, направляемой демиургом. Но достаточно просматривается и первая часть, спонтанная, когда Дух Божий просто летает над лицом бездны. Это движение в бездне (ведь нет еще ни *верха* ни *низа*, ни *над* ни *под*), как в индийской космогонии, имеет своей целью собирание энергий, которые создают условия для демиургического процесса *stricto sensu*.

В гесиодовской космогонии также присутствует *фаллос*, и он также имеет связь с водой, но это *бесплодная* морская вода (132: ἀτρώετον πέλαγος, ‘бесплодное море’), которую фаллос оплодотворяет, делает *живой водой*:

*Член же отца детородный, отсеченный острым железом,
По морю долгое время носился, и белая пена
Взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка в пене
В той зародилась. Сначала подплыла к Киферам священным,
После же этого к Кипру пристала, омытому морем.
На берег вышла богиня прекрасная. Ступит ногою –
Травы (ποίη) под стройной ногой вырастают.*

(189–195)

Вересаев в своем переводе пропускает стих 200: ἡδὲ φιλομμηδέα, ὅτι μηδέων ἐξεφαίνθη (‘любящая половые органы, потому что из члена появилась’), но как раз

¹⁶ На греческом материале о фаллическом происхождении жизни см. Kerényi 1984, 57–141.

эта фраза очень логично (с архетипической точки зрения) заключают весь рассказ о происхождении Афродиты из фаллоса, но, по всей видимости, не соответствует представлениям переводчика, и поэтому он ее выпускает, а в другом месте (207) добавляет Гею в качестве родительницы Титанов. И дело здесь не в «поэтических требованиях»: тот же самый Вересаев соединяет в своих переводах почти всегда точность с поэтичностью. Английский переводчик (Hesiod 1982) точно интерпретирует слово *φιλομῆδεα* как *member-loving*, но предполагает, что “the title is perhaps only a perversion of the regular *φιλομειδής* (laughter-loving)”. Это чисто филологическая интерпретация совершенно не принимает в расчет космогонического контекста, в котором происходит рождение Афродиты. В этом контексте (довольно ужасном, кстати) нет решительно никаких причин для *laughter*, и поэтому богиня может быть только *φιλομῆδεα*, т. е. *любящая рождение*, которое осуществляется при посредстве *μῆδεα* (полового органа).

Сама же по себе вода-море есть *ἀτρυγέτων* (бесплодное), не способная произвести даже пены. Она оживает, когда в нее попадает фаллос и оплодотворяет ее. Белая пена (*λευκὸς ἀφρός*), из которой рождается Афродита, есть *сперма*, излившаяся из отсеченного члена, а море становится *лоном*, средой, в которой происходит это рождение¹⁷. Рождение Афродиты непосредственно из излившейся из фаллоса Урана спермы как концентрированной генеративной энергии определяет особо отмечаемое поэтом качество богини: *Травы (ποιῖν) под стройной ногой вырастают* (195), т. е. одним своим касанием она делает землю живой, *способной рождать*.

Здесь можно было бы говорить о *фаллогонии*, т. е. о рождение космоса, который генерируется из перво-фаллоса, выделенного из первоначального безразличия. *Гей-земля прежде всего родила себе равное ширью / Звездное небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду* (126–127). Эти строчки можно понимать в том смысле, что Небо не столько покрывает Землю, сколько совпадает с ней, и между ними не существует еще пространственного разделения. Для того, чтобы генеративная деятельность Урана и Земли сделалась продуктивной, т. е. порождающей полноценные объекты и существа, она нуждается в открытом *космогоническом пространстве*, которое отсутствует, и поэтому:

*Дети, рожденные Геей-Землю и Небом-Ураном,
Были ужасны и стали отцу своему ненавистны
С первого взгляда. Едва лишь на свет кто из них появлялся,
Каждого в недрах Земли незамедлительно прятал родитель,
Не выпуская на свет (ἐξ φάος) и злодейством своим наслаждался.*

(154–158)

¹⁷ Герой Дрона рождается непосредственно из семени, положенного в деревянный сосуд (МБх I, 121). Апсара здесь функционирует исключительно как средство для вызывания истечения спермы, которая, выйдя наружу, сама из себя рождает живое существо. Аналогичным образом происходит рождение близнецов Крипы и Крипи. При виде апсары у аскета Гаутамы истекает семя, которое падает среди тростников. Затем оно разделяется и из него рождаются близнецы (МБх I, 120), т. е. здесь рождение происходит сразу, в открытом пространстве, без предварительного пребывания в закрытом сосуде, как в случае Дроны.

Дети не рождаются, потому что отсутствует *пространство*, в котором они рождались бы, и поэтому совершается следующий космогонический акт, состоящий в отделении Земли от Неба. Осуществляется он при посредстве отделения фаллоса от его носителя, т. е. Урана. Строго говоря, этот фаллос есть общий для Земли и Неба элемент, и поэтому в действительности происходит не отсечение, а *выделение* фаллоса из первоначального безразличия, после чего образуется космогоническое пространство, которое расширяется по мере своего заполнения космическими объектами. С момента, когда фаллос выделен и свободно движется в пространстве, представляемого морем, начинается генеративный процесс *stricto sensu* на всех уровнях – верхнем и нижнем, божественном и животном.

Об этой начальной независимости фаллоса, выделенном из начального безразличия мы находим юмористическое свидетельство (что нисколько не уменьшает его ценности, а даже еще больше повышает) в преданиях индейцев Winnebago (Radin 1965, 53–54) о демиурге-трикстере, который носит свой фаллос в отдельном ящике и время от времени выпускает его на волю, где он сам избирает для себя объекты, которые оплодотворяет. Эта вторичность тела по отношению к перво-фаллосу сохраняется в архаической культовой практике. В первую очередь это относится к *линге* (linga) как фаллическому символу Шивы. В интерпретациях *линги* как тройственной формы абсолютного начала (Брахма, Вишну, Шива) просматривается первоначальное представление о перво-фаллосе, который генерирует из себя собственное тело, а вместе с ним все существа и космические объекты. В греческой сфере – это *герма*, (herma), которая когда-то была, надо думать, только фаллосом без всяких других украшений.

Плавающий по морю фаллос Урана (190) сопоставим с плавающим по первобытным водам холмом в ведийской космогонии (Кёйпер 1986, 30). Аналогичным образом отсечение детородного члена Урана, в результате которого образуется пространство и освобождаются скованные в нем генеративные энергии, сопоставимо с раскалыванием перво-холма в ведийской мифологии, в результате чего из него «вырывается жизнь в двух формах – воды и огня» (Кёйпер 1986, 30), давая таким образом начало космогоническому процессу. Показательно, что после своего вскрытия и освобождения скованных в нем энергий «холм теперь уже не плавает. Он обретает опору (как говорят тексты) и начинает расти во все стороны, пока не достигает размеров земли. В то же время он остается центром космоса и гвоздем, который прикрепляет землю к своему месту» (Кёйпер 1986, 30)¹⁸. Этот холм приравнивается к змею Вритре, который сковывает воды-пространство, и поэтому убийство-вскрытие холма Вритры одновременно освобождает воды и открывает пространство:

Он убил змея, он просвердил (русла) вод,
Он рассек недра гор.

(Ригведа I, 32, 11)¹⁹

¹⁸ Этот остров сопоставим с плавучим островом, на котором родился Аполлон, после чего он фиксируется и становится священной землей. Показателен вариант мифа, в котором змеей Пифон преследует Латону (Hug. Fab. 53, 140). На четвертый день своего рождения с помощью стрел, подаренных Вулканом, Аполлон убивает Пифона (Hug. Fab. 140). Стрелы Вулкана сопоставимы с громовой стрелой (ваджрой) Индры, которую для него изготавливает бог-ремесленник Тваштар (Топоров 1990, 520).

¹⁹ Гимны Ригведы приводятся в переводе Т. Я. Елизаренковой по Ригведа 1989.

Когда ты растянул твердую основу – незыблемое пространство,
Ты установил (ее) на столбах – рывком.
Когда в борьбе за солнце в опьянении, в радостном возбуждени
ты, о Индра, убил
Вритру, ты выпустил поток вод.

(Ригведа I, 56, 5)

В хурритском мифе Кумарби, борясь с Богом Неба Ану, откусывает у него детородный член, а потом выплевывает его, и он становится *горой*, но при этом забеременевают трем ужасными богами (Луна, упавшая с неба 1977, 115–116). Здесь устанавливается прямая связь между фаллосом и горой. Также в индийском мифе: Шива изливает свое семя на землю, и оно превращается в гору (Рамаяна I, 36). Очевидна фаллическая символика змея Вритры: *Безногий, безрукий боролся он против Индры* (Ригведа I, 32, 7). Борясь с Вритрой, Индра, по сути дела, борется с первофаллосом, который заключает в себе энергию формы (*Запрудив воды, (тот) лежал на дне пространства*. Ригведа I, 52, 6), а не с яйцом по образцу сперматозоида, как предполагает Кейпер²⁰.

В наиболее явном виде связь фаллоса с горой дана в мифе о Шиве восседающем на вершине горы Меру. Собственно, он есть гора-фаллос, о чем свидетельствует его абсолютная неподвижность, в которой, однако, происходит собирание колоссальных энергий. Вот как представляется Шива, сидящий на горе: “There Mandana saw the lord, ten millions suns, with a thousand eyes and a thousand bodies, the tall god with a blur neck, shining like ambrosia” (Hindu Myths 1975, 157). От этого самопогружения его отвлекает бог любви и желаний Кама, провоцируя истечение огня из глаза Шивы, который его сжигает. С точки зрения пренатальной теории можно было сказать, что Кама выполняет функцию сперматозоида, который выводит яйцо из состояния безразличия, однако в данном случае нет решительно никакой возможности отождествить гору-Шиву с яйцом, хотя он пребывает в абсолютной неподвижности. Кама функционирует здесь как апсара, которая отвлекает отшельника от его аскетического самопогружения, вызывая непроизвольное истечение семени. Кама провоцирует истечение из глаза Шивы огня. Этот вышедший из глаза огонь сопоставим с семенем как концентрированной энергией, а глаз (или глаза), из которых он истекает, – с *testiculi*²¹. Это тождество огня с семенем составляет центральную тему рассказа о том, как Агни принимая семя Шивы, не выдерживает его жара (Doniger 1997, 344). Эти примеры указывают на активность женского начала и пассивность мужского, как бы имобилизованного своей собственной *лингой*, сконцентрировавшей в себе энергии, достаточные не только для порождения, но и для разрушения²².

Также и у Гесиода активна главным образом Гея. Активность Неба есть вторичная по отношению к активности Земли, также как и ее мужских потомков. Муж-

²⁰ См. его статью *Космогония и зачатие: к постановке вопроса* (Кейпер 1986, 112–156).

²¹ «Глаза и *testiculi* представляют собой две реализации единого целого – мозга. ... *Testiculi*, ‘муда’ того же корня, что и мудрость, ср. лат. *testicoli* > *testa*. Во многих традициях сперма – та же субстанция, что и серое вещество мозга. Мозг и сперма связаны через позвоночник».

²² Шива говорит: “What shall I do? Since creation has been performed by Brahma, I will therefore destroy, cutting of my own seed” (Hindu Myths 1975, 139).

ское начало приходит в действие всегда по побуждению женского. Это не противоречит представлению о фаллическом происхождении жизни. Фаллос или форма фаллоса (который может принимать форму змея или горы) концентрирует генеративные энергии. Эти энергии делают его *тяжелым*. По этой причине Уран не может отделиться от Геи, беспрерывно наполняя ее утробу зародышами, которые не могут родиться. А посему этот фаллос отделяется как от Земли, так и Неба и становится независимым центром, плавая, как остров по морю, которое в данном космогоническом контексте имеет значение первобытных вод, а фаллос-остров – первой земли. Но что конкретно становится с плавающим фаллосом Урана? Прежде чем ответить на этот вопрос (предположительно, разумеется), вернемся к другому мифу о Шиве, в котором его фаллос-линга прямым образом участвует в комогонии.

Начальное докосмогоническое состояние описывается следующим образом: “There was no earth, nor any regions of the sky, no space, no heaven; everything was like a giant cask filled to the brim. Then the three eternal gods arose from the midst of the water – Brahma, Vishnu, and Rudra; whose arrivals are unwitnessed” (Hindu Myths 1975, 138–139). Речь идет о циклической комогонии, но начинается она всегда с той же самой точки – первобытных вод. Из этих вод выходят три основных божества. Собственно, они продолжают пребывать в этих водах, поскольку нет еще ни низа ни верха, т. е. космического пространства, которое только должно быть создано. Брахма и Вишну просят Рудру-Шиву осуществить творение. Рудра соглашается и погружается снова в воды, где остается тысячу небесных лет, т. е. почти что вечность, поскольку времени, как и пространства, еще не существует. Космогоническое ныряние весьма распространенный мотив (см. Eliade 1975, 72–117), что только увеличивает его парадоксальность, ведь нырять некуда, и поэтому в действительности Шива никуда не ныряет, а остается неподвижным, как и сидя на вершине горы Меру. Он собирает энергии, которые позволяют Брахме осуществить творение. И хотя Шива гневается на Брахму, грозя уничтожить его творение, все же входит с ним в соглашение, что, как кажется, указывает на функцию Брахмы как своего рода *фильтра*, который преобразует «неочищенные» водные энергии, собранные Шивой, в конструктивные энергии бытия, т. е. он завершает демиургический акт, подготовленный другими богами.

Показательна здесь функция *линги*. Рудра спрашивает Брахму: “That energy which I gathered in excess in order to destroy your creation – tell me, what I do with it for you?” (Hindu Myths 1975, 140). Эта энергия была собрана не для разрушения творения Брахмы, а для того, чтобы оно могло осуществиться. Речь идет об избыточной энергии, которая осталась неиспользованной после осуществления творения. Брахма просит Шиву: “Cause your own energy to enter the sun” (Ibid.), что можно интерпретировать как демиургический акт создания солнца. Замечательно, каким образом происходит переход этой избыточной энергии в солнце: “He agreed to this ... and he said to Brahma ‘There is no good use for this *linga* except for creation of progeny.’ And as he said this he broke it off and threw it upon the surface of the earth. The *linga* broke through the earth and went to the very sky” (Hindu Myths 1975, 140). *Линга*, таким образом, концентрирует энергии, собранные в первобытных водах, в которых они пребывали в рассеянном виде. И когда эти энергии освобождаются, переходя в солнце, *линга* становится *axis mundi*, соединяющей три мира (*линга*, просверливая землю, одним концом уходит в небо, а другим в подземный мир). В

этом своем качестве она есть также *мировая гора*, которая своими корнями, как и мировое дерево, уходит в нижний мир, а верхушкой в небо, т. е. проходит через все три мировых уровня²³.

Таким образом, гора, дерево и змей оказываются изоморфными по своей функции фаллосу-линге. Раскалывая гору, герой-демирг освобождает генеративные энергии, которые позволяют выйти наружу объектам, скрытым в беспространственных первобытных водах. Но и сама *линга* есть инструмент, который позволяет выйти тому, что скрыто и сковано. В этом отношении особо значительным является миф о пахтании первобытного океана богами и асурами. Сразу обозначается связь горы со змеем. Боги и асуры зовут на помощь змея Шеши, который вырывает гору Мандара, и они устанавливают ее на спине черепахи в качестве мутовки, а самого Шеши используют как веревку. Эта двойная связь с горой, а в еще большей мере то обстоятельство, что только змей в состоянии вырвать гору с *ее* места, позволяет рассматривать гору Мандара как форму змея, т. е. змей *сам себя* вырывает и перемещается на спину черепахи, становясь горой-мутовской.

От вращения горы вода океана превращается в молоко, а затем, смешавшись с соками, истекших с горы, в сбитое масло (МБх I, 16). Это сбитое масло очень напоминает пену, которая образуется вокруг плавающего по морю фаллоса Урана. На этом сходство не оканчивается: из взбитого горой-фаллосом океана выходят различные божественные существа: сначала появляется Сома-луна, а вслед за ним – Шри, богиня красоты, богатства и удачи (Stutley 1980, 414–415). Все эти ее качества, а также рождение из взбитой горой океанской воды соотносят ее с Афродитой, родившейся из белой пены, взбитой плавающим по морю фаллосом.

От слишком быстрого вращения горы-мутовки наружу выходит также страшный яд Калакута, который выпивает Шива, от чего его горло становится голубым. Этот яд, излившийся из океана, думается может служить дополнительным указанием на связь горы со змеем. Более того, возможно предположить, что яд излился не из океана, а из горы-змея. Вначале вращающаяся гора выделяет соки, которые, смешиваясь с водой, образуют сбитое масло. Следующая трансформация этого масла идет в двух направлениях (что очень характерно для мифологического дуализма) – в сторону Калакуты (яда-смерти) и в сторону Амриты (напитка бессмертия), но в одинаковой мере две эти противоположные по своему действию субстанции содержит змей-гора, ведь именно от питья соков, которые потекли с вращающейся горы, т. е. выведенной из состояния первобытной неподвижности, боги обрели бессмертие.

Наконец из океана выходит бог Дханвантари с сосудом, наполненной амритой. Но в этот самый момент возникает самое главное и опасное разделение – между богами и асурами, которые до того сотрудничали, вращая вместе гору-мутовку, т. е. были единой группой божественных существ. Амрита противопоставляет одних другим. Асуры завладевают амритой, но каждый хочет ее только для самого себя. Боги обманом возвращают амриту. Начинается великая битва между богами и асурами, которая заставляет вспомнить не менее грандиозную битву между богами и Титанами в *Теогонии* Гесиода. Одних только впечатлений, разумеется, недостаточно. Но есть, по крайней мере, один пункт, который позволяет возвести эти две битвы к единой архетипической модели.

²³ О мировой горе и мировом дереве см. Топоров 1987, 311–315, 398–406.

Бог Нараяна принимает вид женщины, которая подходит к асурам, и очарованные ее красотой, они отдают ей амриту, после чего начинается битва между богами и асурами. Аналогичная ситуация предвещает битву богов с Титанами в *Теогонии*. После похищения огня Прометеем (565–567) Гефест создает по воле Зевса *παρθένῳ αἰδοίῃ ἴκελον* (572: «деве стыдливой [образ] подобный»), которую он приводит *ἔνθα περ ἄλλοι ἔσαν θεοὶ ἢ δ' ἄνθρωποι* (586: где были другие боги и люди). *Другие боги* (ἄλλοι θεοὶ) – это, по всей видимости, Титаны. Дважды повторяющаяся формула *Τιτῆνες τε θεοὶ καὶ ὅσοι Κρόνου ἐξεγένοντο* (632, 668: Титаны-боги и те, которые были рождены от Крона) позволяет рассматривать Титанов как *других богов*, т. е. они – другие по отношению к богам, рожденных от Реи и Крона. Вопросы составляют *люди* (ἄνθρωποι), которые находились вместе с *другими богами*, но с уверенностью можно сказать (вспоминая гесиодовское сказание о пяти человеческих родах, никак друг на друга не похожих), что это также были *другие люди*. Эти другие боги и люди, видя деву, приведенную Гефестом, испытывают *удивление*, точно также как асуры при виде женщины, созданной при помощи *майи* богом Нараяной: *θαῦμα δ' ἔχ' ἀθανάτους τε θεοὺς θνητοῦς τ' ἀνθρώπους, / ὡς εἶδον δόλον αἰπὺν, ἀμύχανον ἀνθρώποισιν* (588–589: в удивлении были бессмертные боги и люди, / когда увидели обман неодолимый, безысходный для смертных).

Далее следует «лирическое» отступление (591–616), рассказывающее о злобности женщин, хотя в конце поэт вынужден признать: *нет от беды избавленья!* Оно кажется вставным, и тем не менее, в нем нет ничего случайного (если что-то вставляется, то всегда с определенной целью, а цель эту может знать только поэт, а не его критик). Ведь деву Гефест приводит не только к людям, но и к богам, и удивляются ей не только люди, но и боги. Сразу же после этого отступления и без всякого перехода (что само по себе кажется странным) идет рассказ о великой битве богов с Титанами (617 и далее), который вполне проясняет значение «морали» о женщинах, а также, почему Гефест приводит подобие девы на удивление другим богам. Вот главное *зло* (κακόν), совершаемое женщинами: *ἀλλότριον κάματος σφετέρῃν ἐς γαστέρ' ἀμῶνται* (599: «чужой труд в свой желудок собирают»), т. е. они *истощают* мужчин, делают их слабыми. Боги, которые при виде девы *потеряли рассудок* (удивились), стали слабыми, как и асуры, отдавшие амриту Нараяне в образе дивной женщины. И только после того, как асуры-титаны ослабевают начинается битва. В конце ее побежденные асуры уходят «в землю и соленый океан», т. е. в нижний мир. Аналогичным образом оканчивается титаномахия: *καὶ τοὺς μὲν ὑπὸ χθονὸς εὐρυοδείης / πέμψαν* (717–718: и их под землю широкую / отправили).

Амрита дает силу, и поэтому ее потеря ослабляет асуров. Перемещение чужих плодов в желудок, по всей видимости, намекает на какую-то божественную субстанцию, которой владели *другие боги* и которую у них обманом изъяла призрачная дева, изготовленная олимпийскими богами. После этих совпадений, думается, с достаточным основанием можно говорить об единой архетипической модели битвы дэвов с асурами в индийском эпосе и битвы богов с Титанами в гесиодовской поэме. Единство модели предполагает единство персонажей, т. е. дэвов с богами и асуров с Титанами. И в самом деле, кто такие асуры? Это боги изначального мира, как говорит Кёйпер. «Асуры вообще составляют центральную проблему ведической религии. После того как Индра создал дуальный космос, асуры перестали быть единственными богами, поскольку дуализм распространился и на богов. Вместе с

Индрой возникла группа новых богов. Их имя, дэвы, – старое индоевропейское слово, обозначавшее небесных богов. Как таковые, дэвы были противопоставлены богам изначального мира, и борьба Индры, предводителя и главного из новых богов, с драконом рассматривалась и как направленная против асуров. Действительно, более поздние ведийские тексты не упоминают больше борьбы Индры, а вместо этого всегда говорят о космогонической битве дэвов и асуров. Их вражда носила трагический характер, так как дэвы были младшими братьями асуров» (Кёйпер 1986, 31).

Эта схему можно было бы приложить к *Теогонии* Гесиода, если только принять предположение, что младшие боги, дети Крона и Реи, в самом деле борются против старших богов, детей Геи и Урана, и эти последние есть Титаны. Но, как мы видели, греческий текст не дает решительно никаких оснований для отождествления старых богов с Титанами, а переводы, следуя филологическим догмам, делают не оправданные ни с какой стороны добавления, искажающие текст. В Титаны попадает даже Прометей: *Тут обратился к титану родитель бессмертных и смертных* (542). В греческом тексте сказано просто: Δὴ τότε μὴν προσέειπε πατὴρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε («тогда сказал отец людей и богов»). Те же ничем не оправданные добавление в истории о наказании Прометея: *бессмертную печень / Он пожирал у титана* (521–522). В греческом тексте отсутствуют слово титан: ἦλαρ / ἦσθιεν ἀθάνατον («печень / поедал бессмертную»). Подобного рода добавления тем более недопустимы, что у Гесиода слово τίτην нигде не встречается в ед. ч., а только во мн. (Paulson, 1962, 84–85: τίτην), и никогда не сопровождается личными именами. Самого по себе этого простого факта было бы достаточно, чтобы не злоупотреблять отождествлениями и вообще отнестись с большим вниманием к тексту Гесиода, а не домыслам его толкователей.

И все же отождествление Титанов со старшими богами не совсем бесосновательно, если только расположить их между Уранидами и Кронидами. Титаны, таким образом, противостоят в одинаковой мере, как тем, так и другим. Схема борьбы асуров и дэвов, также как и Титанов и богов, как борьбы молодых богов против старых оказывается не достаточной. В ведийской мифологии за пределами этой борьбы остается Варуна, которому в гесиодовском варианте соответствует Океан. Сверх того, остается весьма неопределенным понятие *изначального мира*, которое примается как что-то само собой разумеющееся. Но как раз именно оно больше всего сопротивляется всякой схематичности: и дэвы и асуры, и Кронида и Уранида, включая Титанов, все они – боги *изначального мира*, которые по мере разворачивания космогонического процесса берут одну сторону или другую. Почему? И здесь мы уже вступаем в объективную (или *архетипическую*) логику космогонического процесса, которая подчиняет себе всех обитателей изначального мира.

Но вернемся к Титанам. В чем состоит их специфика по отношению как к старым Уранидам, так и новым Кронидам? Для ответа (предположительного, как и всего, что касается архаических космогоний) на этот вопрос мы должны перейти с отдаленной индийской почвы на более близкую малоазиатскую и вернуться к хурритскому мифу о борьбе бога неба Ану с Кумарби²⁴.

²⁴ Этот миф сохранился в хеттской версии. Русский перевод В. В. Иванова см. в Луна, упавшая с неба 1977, 114–124: *Поэма о царствовании на небесах*; английский перевод хеттского текста см. в ANET 1969, 120–121: *Kingship in Heaven*.

Сходство гесиодовского рассказа с этим мифом было давно отмечено (West 1966, 20–23). Речь идет, без сомнения, об *архетипическом мотиве*. И тем не менее, Гесиод строит свою *Теогонию* не на пустом месте, а идет от очень древних преданий, крайнюю грубость которых ему не всегда удается скрыть (или, скорее, сгладить в соответствии с греческим вкусом). С достаточным основанием можно предположить (даже без обращения к хурритскому мифу), что Крон не отсекает член Урана, а откусывает его с помощью своих очень твердых зубов. На это указывает форма инструмента, которым пользуется Крон для отделения полового органа Урана: ἄρτην καρχάρόδοντα (180: «серп острозубый»). Этот серп изготавливает Гея (162: τεῦξε μέγα δρέπανον, «изготовила большой серп»), материал для которого она извлекает из самой себя (161: γένος λοιοῦ ἀδάμαντος, «род белого железа»). Если восходить к архетипу (вернее, к наиболее примитивной и грубой форме его реализации, то ἄρτην καρχάρόδοντα, которым Крон кастрирует Урана, может с одной стороны рассматриваться как *vagina dentata*, а с другой – как зубастый рот самого Крона. Идя еще дальше, можно сказать, что *рот* Крона совпадает здесь с *vagina* Геи. На это совпадение, как кажется, указывает *место*, куда прячет Крона Гея: Εἶσε δὲ μιν κρύψασα λόχῳ (174: спрятала в скрытое место). Из этого места он протягивает руку (178: ὁ δ' ἐκ λοχεοῖο πάς ὠρέξαστο χεῖρι) и отсекает половой орган своего родителя. Слово λόχος (=λοχεός) означает *засаду*, но также стоит в связи со словом λοχεία (роды, рождение, колыбель). Эти этимологии являются наводящими. Но если посмотреть на дело с чисто пространственной точки зрения, то схватить член Урана Крон мог, только спрятавшись во влагалище Геи.

Дальнейшую динамику событий можно представить по образцу хурритского мифа: Крон откусывает член Урана, а потом выплевывает его, но при этом забеременевает, как Кумарби, богами, и эти боги есть Титаны, сыновья Неба, точно также как сыновьями Неба-Ану являются зачатые Кумарби от его откушенной мужской силы три ужасных бога. Показательно также почти текстуальное совпадение речи, с которой Ану обращается к трем богам, сидящими во чреве у Кумарби, и речи, с которой Уран обращается к своим детям-титанам. Правда, в первом случае Ану заклинает своих детей выйти из чрева Кумарби и отомстить за него (это последнее прямо не говорится, но предполагается). Во втором случае Уран предупреждает своих сыновей, что им будет наказание за дело, к которому они протянули руку (207–210). В конце концов Титаны оказываются в Тартаре вместе с чудовищами и богоборцами, вроде Менетия, сына Иапета, брата Прометея и Атланта, т. е. богов третьего поколения, как и олимпийские боги. Следует отметить, что ни Прометея, ни Атланта Зевс не отправляет в Тартар: Атланта приспособливает для поддержания небесного свода, а Прометея после того, как орел выел опасные содержания его печени, вообще освобождает, из чего можно заключить, что и для него находится место в олимпийской миросистеме.

В Тартаре (в Эребе или просто под землей) собираются существа, для которых не нашлось места в организованном мире, точно также, как и для асуров, которые должны были уйти в *нижний мир*. Строго говоря, нижний мир это и есть *изначальный мир*, и асуры, Титаны и всякие другие чудовища вовсе не «сбрасываются» под землю, а остаются в изначальном мире, который с точки зрения нового верхнего организованного мира видится как мрачный Тартар. Космогония с этой точки зрения представляется как объективный процесс, в результате которого преодолевается

тяжелая хтоническая основа, с которой непосредственно соприкасается нижний мир. Но эта основа есть также начало, и поэтому мир, который непосредственно с ней соприкасается, есть *изначальный*. Верхний мир, возникший в результате отдаления от этой основы, *Ungrund*, как сказал бы Шеллинг²⁵, уже не есть изначальный, и поэтому он вступает в оппозицию к нижнему миру. Дэвы и асуры, боги и Титаны, все они происходят из единой *темной основы*, и определяются в одном или другом качестве – верхнем или нижнем, старом или новом – по отношению к этой основе, преодолевая в большей или меньшей степени силу ее притяжения.

Образом этой хтонической основы становится перво-утроба, которая вдруг *открывается*²⁶. Основной космогонической задачей богов становится противодействие тенденции перво-утробы к обратному смыканию. С этой *утробной* стороны космогонии можно представить как следование утроб: Хаоса, Геи, Крона²⁷. В утробе Крона оппозиции-противоречия, которые характеризуют изначальный утробный мир, достигают своего наивысшего напряжения. Крон заключает в своей утробе детей, вышедших из чрева Реи, но в этой его утробе уже находятся Титаны, зачатые от Урана. Создается узел, символизируемый *камнем*, который провоцирует конвульсию утробы, ее *основа* как бы переламинается (по сравнению с перво-утробой Хаоса, она значительно ослаблена), в результате чего происходит выход наружу сдавленных в ней содержаний. Эти содержания – Титаны и боги. Одни – *старшие*, поскольку были зачаты от Урана, но *мужским* божеством, другие – *младшие*, поскольку зачаты от Крона, но *женским* божеством. Дети Реи рождаются *правильным* образом, а Крон *неправильным* образом отправляет их обратно в свое собственное чрево, где они соединяются с *неправильно* зачатыми Титанами. И как результат этой абсолютно аномальной ситуации происходит разрыв утробы Крона, а сам он, опустошенный, ставший совсем маленьким уходит, как гном, под землю.

И боги и Титаны принадлежат к изначальному утробному миру, только одни выходят из него, а другие остаются в нем, остановившись навсегда в своем космогоническом развитии, в силу чего они становятся *старыми*, т. е. невошедшими во время, как их *младшие* братья-боги. Это основной парадокс богов внутримировых богов-демиургов: они – вечноживущие, но все же они пребывают во времени и пространстве в отличие от своих братьев-титанов, которые остались в безвременном и беспространственном изначальном мире. Стена, которая окружает Тартар есть предел, который отделяет время от безвременья, пространство от беспространственности. Сторуки, которые помогли богам в борьбе против Титанов, остаются на этом пределе, поскольку не могут полностью войти во время и пространство, но также и выйти из него. Они как бы застряли на этом пределе, обозначая чудовищ-

²⁵ См. его *Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах* (Шеллинг 1989), где вводится понятие темной основы (*Ungrund*) в Боге.

²⁶ Этимологически *χάος* соотносится с *χάσμα*, ('бездна', а также 'отверстие', 'щель', 'чрево'). Это позволяет сделать заключение, что «*Χάος* у Гесиода – это *первичная* (πρώτη) утроба, которая сама себя порождает и рождает все остальное» (Михайлов 1989, 78).

²⁷ Эта тенденция утробы действует также в Зевсе, но в значительно ослабленной форме, вследствие чего ему удается ее нейтрализовать. Он отправляет Метиду в свое чрево (Th. 899), но при этом не блокирует генеративный процесс, как Крон, а рождает из головы Афины. Строго говоря, не Зевс рождает Афины, а Метиды, ее мать, но только пребывая во чреве Зевса, в котором нейтрализуются ее опасные содержания.

ный предел между бытием и небытием, временем и безвременьем, которое, однако, не есть вечность.

Боги и Титаны выходят вместе из утробы Крона и между ними сразу обнаруживается радикальная противоположность. Это прежде всего касается способа их зачатия. Олимпийские боги совмещают в себе два принципа – мужской и женский, поскольку были зачаты мужским божеством в лоне женского божества. Титаны были зачаты мужским божеством в чреве мужского божества, и поэтому они имеют в себе только один принцип – мужской. Это вполне согласуется с представлением о Титанах как исключительно мужских божествах. Они сильны до тех пор, пока сохраняют в себе эту мужскую титаническую монолитность, непроницаемую для любого другого принципа²⁸. Одновременно эта основанность их бытия на одном только принципе делает их крайне хрупкими и непродуктивными. Они замкнуты и непроницаемы в силу своей *однопринципности*, т. е. абсолютной неспособности произвести что-либо, что не есть они сами.

Они родились из *фаллоса*, который стал организующим принципом титанической анти-системы, закрытой и непроницаемой, а посему обреченной на замещение другой системой, открытой и продуктивной. Этой системой становится олимпийская, основанная на сотрудничестве и одинаковой ценности двух начал – женского и мужского. Эти две системы – олимпийская и титаническая – как бы сосуществуют и взаимно уравнивают друг друга, хотя находятся в постоянном противоборстве:

*Десять уж лет непрерывно они меж собою сражались,
А разрешенья тяжелой вражды иль ее окончанья
Не приходило, и не было видно конца межусобью.*

(636–638)

Титаны, в качестве своего центра имеют Офрийскую гору (632), а боги – многоснежный Олимп (634). В мифологии всякая гора, тем более, если она имеет особое значение, как гора Титанов, по необходимости должна иметь мифическое происхождение. Гора Олимп – центр мира, а посему совпадает с *омфалом* (пупом земли), хотя этот последний находился в Дельфах в храме Аполлона. Омфал отождествлялся с камнем, который проглотил, а потом извергнул Крон (497). Таким образом, мифическое происхождение Олимпа как центра мира может быть возведено к *перво-камню*, вслед за которым выходят из чрева Крона олимпийский боги. Можно также сказать, что боги выходят из камня, который затем становится центром мира, мировой горой. Боги обитают на этой горе, потому что когда-то из нее родились, т. е. переместились из внутреннего пространства камня во внешнее пространство горы²⁹.

²⁸ О Титанах как непроницаемых глыбах см. Лосев 1957, 156–158.

²⁹ О происхождении первых богов из камня рассказывает *Младшая эdda*: корова Аудумла лижет камень и из него выходит человек по имени Бури, который рождает Бора (как и от кого не говорится). Бор берет в жены дочь великана Бестлу, от которой рождаются три бога-демиурга: Один, Вили и Ве. Они убивают великана Имира и создают из частей его тела небо и землю. Важно отметить, что боги-демиурги принадлежат к третьему поколению богов и происходят от мужского божества и женского, т. е. соединяют в себе мужское и женское начала, но не в смешанном виде, как у первых божеств, а разделенном, в силу чего они способны творить. Эта же схема ясно проглядывает в *Теогонии* Гесиода:

В отношении Офрийской горы как *горы Титанов*, стоящей в оппозиции к Олимпу, *горе богов*, можно сделать следующее предположение. В хурритском мифе Кумарби выплевывает мужскую силу Бога Неба, и она превращается в гору. Отсеченный детородный член Урана плавает по морю, как остров или первобытный холм. О том, что с ним происходит дальше, ничего не говорится, но можно предположить, что этот самый фаллос, от которого родились Титаны, становится Офрийской горой, на которой они и поселяются, потому что вышли из нее, как вышли олимпийские боги из омфала-Олимпа.

Но есть между ними существенная разница. Гора Титанов – это фаллос, ставший горой, т. е. полностью потерявший свою начальную генеративную энергию, окаменевший, сделавшийся совершенно непроницаемым ни для какой новой формы жизни, вообще для жизни. Этот фаллос как бы превратился в каменного великана Улликумми, которого порождает Кумарби, пролив свое семя в Скалу³⁰. Улликумми дорастает до небес, закрывая собой пространство. В конце концов боги находят средство остановить рост Улликумми, отделяя его от первобытной каменной основы, символизируемой Упеллури³¹. Используют они для этого пилу, которой были разделены в начале времен Небо и Земля. Каменный великан, доросший до неба, соединяет снова Небо с Землей, т. е. аннулирует основной космогонический акт, в результате которого образуется открытое космическое пространство.

Можно предположить, что и каменные Титаны, усевшиеся на Офрийской горе, имеют аналогичную цель: вновь соединить Землю с Небом с помощью горы-фаллоса, совершив таким образом μέγα ἔργον («великое дело»), за которое, как их предупредил Уран, они должны понести наказание. Предсказание бога Неба пунктуально сбывается, на что намекает фраза ἐπεὶ Τίτηνας ἀπ' οὐρανοῦ ἐξέλασεν Ζεὺς (820: «после того, как Титанов с неба изгнал Зевс»). Олимпийские боги, как и хурритские, не просто перемещают Титанов с одного места в другое (с неба в Тартар), а *освобождают пространство* от заполнившей его каменной массы.

Замечательно и другое совпадение по противоположности с хурритской поэмой. Иштар, сестра Бога Грозы, отправляется к Улликумми с целью соблазнить и ослабить его, но каменный великан остается непроницаемым для песен богини любви, и она, бросив лютню и сорвав свои украшения, в отчаянии уходит. Также и боги посылают к Титанам искусственную деву, при виде которой, в отличие от хурритского великана, они испытывают удивление, и оно становится для них началом потери внутренней сцепленности, делавшей их непобедимыми. Удивление *раскрывает* Титанов. Они уже не есть непроницаемые, более того, удивление, вызываемое искусственной девушкой, вносит в них разделение: от них как бы отделяется какая-то часть, которая становится ἄνθρωποι, т. е. *смертными людьми*. В этом пункте кончается история Титанов, а также – изначального мира. Начинается другая история, которая в качестве своего центрального принципа имеет универсальный Закон-мойру, обойти который не может даже Верховный Бог, не говоря уже об обманщике Прометее.

только третье поколение богов становятся подлинными устроителями мира, поскольку женское в них отделено от мужского. Поглощая Метиду и рождая Афину, Зевс выводит из себя последние остатки первоначальной смешанности, фиксируя раз и навсегда противоположности.

³⁰ *Песнь об Улликумми*, в Луна, упавшая с неба 1977, 125–140.

³¹ Эа говорит Упеллури: *Ты, на ком боги строили Небо и землю!* (*Песнь об Улликумми*, 138).

Литература

- Кёйпер, Ф. Б. Я. 1986. *Труды по ведийской мифологии*. Москва.
- Лосев А. Ф. 1957. *Античная мифология в ее историческом развитии*. Москва.
- Лосев А. Ф. 1988. *Титаны*. // Мифы народов мира. Т. 2. Москва.
- Луна, упавшая с неба 1977. *Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии*. Перевод с древнемалоазиатских языков Вяч. Вс. иванова. Москва.
- Михайлов Н. А. 1989. *Греческий космогонический миф в Теогонии Гесиода: структура текста, реконструкция, сравнительный комментарий*. Дипломная работа. Москва.
- Ригведа 1989. – Ригведа. Мандалы I-IV. Издание подготовила Т. Я. Елизаренкова (Литературные памятники). Москва.
- Рубинштейн Р. И. *Египетская мифология*. // Мифы народов мира. Т. 1. Москва.
- Топоров В. Н. 1987. *Гора*. // Мифы народов мира. Т. 1. Москва.
- Топоров В. Н. 1987. *Древо мировое*. // Мифы народов мира. Т. 1. Москва.
- Шеллинг Ф.В.Й. 1989. *Сочинения в двух томах*. Т. 2. Москва.
- ANET 1969. *Ancient Near Eastern Texts relating to the Old Testament*. Ed. by James B. Pritchard. Princeton-New Jersey.
- Colli G. 1990. *La sapienza greca*. I. Milano.
- Doniger W. 1997. *Śiva. L'asceta erotico*. Milano.
- Eliade 1975. *Da Zalmoxis a Gengis-Khan*. Roma.
- Kerényi K. 1984. *Miti e misteri*. Torino.
- Hesiod 1982. *Hesiod with english translation by Hugh G. Evelyn-White*. London.
- Hindu Myths 1975. O'Flaherty, Wendy Doniger. *Hindu Myths*. A Source book translated from the Sanskrit. Penguin Books.
- Lavedan P. 1931. *Dictionnaire illustré de la Mythologie et des Antiquités grecques et romaines*. Paris.
- Paulson J. 1962. *Index Hesiodeus*. Hildesheim.
- Radin 1965. Radin P., Jung C. G., Kerényi K. *Il Briccone divino*. Milano.
- Stutley M., Stutley J. 1980. *Dizionario dell'Induismo*. Roma.
- West M. L. 1966. *Prolegomena and Commentary*. // Hesiod. *Theogony*. Oxford.

The Gods and Titans in the Hesiod's Theogony

Mihail Yevzlin

The article considers the traditional notion about Titans as the first 12 children of Earth and Heaven. This is right for Apollodorus but erroneous for Hesiod. The analysis of the Greek text of “Theogony” demonstrates that Titans were generated by Heaven himself without the participation of Earth. The exclusively masculine origin of Titans opposes them to the old gods, children of Earth and Heaven, as well as to the new gods, children of Cronus and Rhea. The gods are a personal group; all of them have names and distinctive personalities. Only Titans remain an impersonal group and are always designated with the plural masculine form “titénés”. The singular and feminine forms are found only in *Aeschylus* and Apollodorus, when Titans have been identified with the first children of Earth and Heaven. This masculine and impersonal Titans’ quality permits one to consider them as special class of primordial beings and explains why all the gods – and even the monsters like the Cyclopes and the Hundred-handed – are united in the fight against Titans.